

мид следовал большинству положений Аристотеля и его последователей — рационалистов, что было характерным для XII—XIII вв., привлекал идеи Платона и неоплатоников для доказательства христианских воззрений на возникновение, строение и существование мира, но вместе с тем нередко не соглашался и критиковал их. Конечно, не всегда эта критика отличалась новизной.

В целом философские трактаты Влеммида и его взгляды говорят о том, что философская мысль в Никейской империи не умерла, несмотря на внешнеполитические трудности. Их влияние скажется впоследствии на развитии средневековой философии Западной Европы.

Обширные познания Никифора Влеммида о мире и его критическое отношение к научному материалу были переданы им его ученику Феодору, будущему императору. Личность Феодора II и его правление вызвали разноречивые отзывы современников и потомков. Беспристрастных мнений не было. Родившись в 1222 г., он прожил недолгую жизнь, из которой только последние четыре года находился на троне (1254—1258). Но его кратковременное царствование «было лебединой песней Никейского государства, временем его наибольшего блеска, приковывавшего взоры современников»²³. Пройдя у Влеммида весь доступный курс наук, Феодор стал одним из образованнейших людей своего времени. Пожалуй, после Константина VII Багрянородного на византийском троне не появлялся еще такой образованный правитель. Он не только усвоил все то, чему его обучил Никифор, но и превзошел последнего во многих областях знания, в том числе и в философии.

Феодор II, как и Никифор Влеммид, не был чистым перипатетиком. Его философия тесно связана с теологией, в которой он видел завершение всего знания и которая в его творчестве занимает значительное место. Он отчетливее, чем Влеммид, подчеркивает превосходство богословия над философией и божественного предопределения над человеческим {58} разу-

Файл byz3_59.jpg

Евангелист Иоанн с учеником Прохором.

1-я половина XIII в.

Миниатюра из Евангелия с Деяниями Апостолов.

Ленинград, ГПБ, греч. 101. {59}

мом²⁴. Учение о Боге не столь отлично, по его мнению, от философии, так как первая мудрость — страх господень. Взгляд на тесную связь философии и теологии ярко выражен в «Энкомии» в честь Никеи, которая «вдвойне превосходит Афины, некогда блиставшие науками и искусством, потому что ее жители не только знают платоновскую, аристотелевскую и сократовскую философию, но и присоединяют к ней богословие, благодаря чему Никея блистает как некий источник, изливающий благочестие» (*Lasc. Orat. P. 5*). В другом месте он говорит о том, что никейские ученые улучшили эллинскую философию, привив к ней теологию, подобно тому как дикая маслина улучшается прививкой черенка.

Феодор хотя и соглашается со взглядом античной натурфилософии, что четыре элемента (земля, вода, воздух и огонь) следует рассматривать как строительный камень космоса, однако ясно подчеркивает в первой части своего философского трактата «Мировое обозрение» зависимое положение материи от Бога как ее творца. Элементы не могут возникнуть сами из себя, так как их соединение может привести к самоуничтожению. Круговое движение небесных светил как элементов материального космоса сравнивается с таким же движением элементов нематериального порядка — духом и мыслями. У них, как и у материальных тел, должны быть начало, толчок. Круговое движение характерно также для жизни и смерти, которые есть не что иное, как взаимообусловленное биологическое круговое движение, в ходе которого от божественного дуновения образуется бессмертная душа.

Признавая подробно разработанное Аристотелем положение о непостоянстве и движении всех вещей в мире, Феодор Ласкарис тем не менее, исходя из христианского учения о сущности бытия, считал, что в природе существует единое и постоянное начало и имя ему — Бог. От многообразия форм жизни и движения к единому — божественному творцу — такова нить рассуждений и доказательств философа о наличии в природе высшего начала, т. е. божества. Но для познания его необходима не философия, а богословие, поскольку философия ве-

²³ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. М., 1948. Т. 3. С. 595.

²⁴ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 52.